

Женщина перебирала одежду Шан Юна и нашла его визитку. Какой он Шан Юн? Лучше бы его звали Шан Неудачник.

Женщина холодно усмехнулась, сделала несколько пошлых фотографий, заодно прихватила визитку и ушла.

Раз переспал с ней, значит, должен заплатить?

Му Тинтин пришла в себя только тогда, когда появился её маленький любовник Чжан Цзымо.

Она дёрнула Чжан Цзымо за рукав:

— Цзымо, Цзымо, наш ребёнок... нашего ребёнка больше нет.

Чжан Цзымо с отвращением смотрел на неряшливую женщину. Если бы она не была женой Шан Юна и не тратила на него так много денег, стал бы он спать с такой?

Ему самому всего двадцать с лишним, расцвет сил, каких только женщин он не встречал?

Вспомнив о своём плане, он подавил отвращение:

— Всё хорошо, всё хорошо, не плачь сначала. Заставь Шан Юна, этого скота, взять за это ответственность. Ответить за нашего ребёнка.

— Он... он узнал, что я наставила ему рога, и точно больше не будет обо мне заботиться. Му Тинтин размазала по лицу слёзы и сопли, прячась в Чжан Цзымо. Тот терпеливо сдерживал отвращение и не отстранился.

— Просто скажи, что ребёнок от него. Чжан Цзымо был гораздо рассудительнее, он совершенно не беспокоился о ребёнке и Му Тинтин, его волновал только собственный план. В тот день, когда мы занимались этим, он же был пьян. Скажи, что он напился, и у вас появился ребёнок.

— Хорошо, хорошо, я так и скажу. Му Тинтин немного успокоилась. Я тогда была очень зла, в отчаянии, и сорвалась, сказав ему, что ребёнок не его.

— Ты! Чжан Цзымо чуть не задохнулся от злости на эту глупую женщину, но в голове раз за разом повторял: не злиться, не злиться, не злиться.

Прочитав мантру трижды, Чжан Цзымо продолжил говорить с Му Тинтин:

— Просто запирайся и не признавайся. Скажи, что тогда потеряла голову от гнева, что ребёнок его. В любом случае, сейчас ребёнка нет, и у него нет доказательств.

— Хорошо, тогда так и сделаем.

— Угу, вы же супруги, хорошо его успокой. Чжан Цзымо, преодолевая отвращение, погладил Му Тинтин по волосам. Когда Корпорация Шан станет нашей, тебе больше не придётся терпеть унижения.

— Хорошо, верь мне, у меня обязательно получится.

В канун Нового года в старом особняке семьи Шан царил тишина и гармония, тогда как в других местах бушевали скрытые страсти, полные заговоров и интриг.

На следующий день Шан Шисюй проснулся раньше Е Цзинцю:

— Дорогой, вставай.

— Хорошо, братец, ты меня подними. Е Цзинцю хорошо отвечал, но глаза, казалось, не подчинялись мозгу и оставались плотно закрытыми.

Шан Шисюй с нежностью поднял Е Цзинцю и помог маленькому ангелу почистить зубы и умыться.

Только тогда Е Цзинцю окончательно проснулся. Зубная паста была с ароматом белого персика и улуна, вкус был неплохим.

Увидев, что Шан Шисюй закончил чистить зубы, Е Цзинцю поднялся на цыпочки и поцеловал его, специально просунул язык внутрь, а тут же вытащил:

— Братец, личи с розой или белый персик с улуном, какой братец любит больше?

— Братцу больше всего нравится вкус Цюцю. Шан Шисюй ткнул Е Цзинцю в кончик носа. Хотя поцелуй был недостаточно долгим, сейчас нужно было спускаться вниз, так что продолжить было невозможно.

— А мне больше всего нравится вкус братца. Е Цзинцю не стал уступать.

Вся семья позавтракала, затем люди стали приходить один за другим, чтобы поздравить дедушку Шана с Новым годом.

В руках у дедушки Шана была пачка красных конвертов, он раздавал их детям.

Е Цзинцю и Шан Шисюй тоже поздравили дедушку Шана, и дедушка тоже протянул им каждому по красному конверту.

Е Цзинцю не ожидал, что сегодня тоже будут красные конверты, и был невероятно рад.

Хотя сегодня, как и у других детей, в них было всего по несколько сотен юаней, это всё равно вызывало радость.

— Что? Так радуешься?

— Угу, да, я раньше почти не получал красных конвертов. В детстве Е Цзинцю действительно редко получал красные конверты. Это был первый... нет, второй раз, когда он получил подарок от старшего. Первый раз тоже был от дедушки Шана, но тогда он был настолько шокирован, что шок затмил радость.

Шан Шисюй считал, что его маленький ангел действительно мил.

Маленький ангел повернулся и посмотрел на него серьёзно:

— Братец, с Новым годом, давай красный конверт.

— Подожди меня немного, я пойду подготовлю тебе конверт. Шан Шисюй не ожидал, что ребёнку так понравится, поэтому пришлось готовить на ходу.

— Куда пошёл Шисюй? Увидев, что Шан Шисюй оставил Е Цзинцю одного и ушёл, дедушка

Шан тоже захотел узнать, что случилось.

— Я попросил у него красный конверт, он пошёл готовить. Е Цзинцю немного смутился, но всё же честно рассказал дедушке.

— О, действительно нужно подготовить тебе конверт. Если он даст меньше меня, ты не бери, пусть переделывает. Дедушка Шан довольно любил Е Цзинцю и уже считал его своей невесткой.

— Дедушка, ты чей вообще дедушка? Шан Шисюй услышал это, когда спустился вниз, и тут же развёл руками. Дедушка всё ещё как ребёнок.

— Ты так быстро подготовил?

— Нет, я спустился спросить, есть ли у дедушки пустые конверты и наличные.

— Есть, конверты по 10 000 штук, наличные тоже по 10 000 за купюру. Дедушка Шан хотел, чтобы Шан Шисюй испугался трудностей и сам всё подготовил.

Но разве Шан Шисюй не хватало таких денег? Совсем не хватало.

— Хорошо, отдай мне все лишние.

И тут Е Цзинцю увидел, как Шан Шисюй, похожий на дурака, потратил почти десять миллионов.

Е Цзинцю: Бедность ограничивает воображение.

Шан Шисюй вернулся в комнату и начал упаковывать красные конверты для маленького ангела. Маленькому ангелу в этом году исполнилось двадцать четыре года, поэтому он упаковал двадцать четыре штуки, восполняя недостающие за все прошлые годы.

Более того, в красных конвертах были не только деньги, но и другие вещи, всё он нашёл в своей комнате.

Раньше он жил в старом особняке, поэтому там осталось много его вещей.

Например, в конверте для двадцати четырёх лет он спрятал пару колец, он обещал купить ему всевозможные кольца.

В конверте для двадцати трёх лет лежал ключ от машины, машина была в старом особняке, можно было сразу уехать, поэтому ключ тоже был там.

В конверте для двадцати двух лет была тёмно-фиолетовая брошь, красивая и благородная.

В конверте для двадцати одного года лежала пара запонок, эти запонки спроектировал Е Цзинцю, поэтому он, не задумываясь, купил их.

В конверте для двадцати лет были часы, он купил их давно, они подходили по размеру запястья Е Цзинцю.

В конверте для девятнадцати лет он написал на бумажке: «Беспроводные наушники, выбирай любые».

В конверте для восемнадцати лет на бумажке было написано: «Квартира, свидетельство о праве собственности дома».

В конверте для семнадцати лет было...

Шан Шисюй засунул в красные конверты все подарки, которые смог придумать, а также наличные, которые он обменял у дедушки Шана по высокой цене.

В конце у него появилась безумная идея, он зашёл в кабинет, вытащил книгу с полки, в книге была заложена фотография, человек на фотографии оказался Е Цзинцю.

Он вытащил фотографию и принёс в комнату.

После долгих колебаний он всё-таки засунул фотографию в красный конверт для двадцати четырёх лет, а затем добавил туда бумажку с надписью «Муж один».

Его сердце бешено колотилось, он боялся, что Е Цзинцю узнает, что он тайком сфотографировал его, и возненавидит его, но он также хотел, чтобы Е Цзинцю знал его полностью.

Он решил рискнуть, только на этот раз. Если Е Цзинцю возненавидит его, он будет его уговаривать вернуться, или использует слова, которые говорил, чтобы оставить его.

Если не возненавидит, то в этой жизни он больше никогда не отпустит Е Цзинцю, абсолютно никогда, даже если маленький ангел пожалеет, даже если потом будет ненавидеть себя.

Шан Шисюй глубоко вздохнул и только тогда позвал Е Цзинцю наверх.

Е Цзинцю внизу тоже был напряжён, ему всегда казалось, что должно что-то случиться.

Услышав, как Шан Шисюй зовёт его, он быстро побежал наверх, не успел затормозить и прямо влетел в объятия Шан Шисюя.

Шан Шисюй придержал его и повёл внутрь, затем Е Цзинцю увидел, что Шан Шисюй разложил на кровати целый гор красных конвертов, и многие из них были пухлыми, очевидно, внутри было что-то ещё.

Он посмотрел на Шан Шисюя:

— Всё это мне?

— Да, всё тебе.

— Можно я сейчас открою? Е Цзинцю спросил Шан Шисюя вслух.

Шан Шисюй немного нервничал, но всё же усадил Е Цзинцю на край кровати:

— Конечно, можно.

Е Цзинцю наугад взял один красный конверт, только тогда обнаружил, что на нём написана маленькая цифра «21»:

— Почему здесь 21?

<http://bllate.org/book/16732/1539761>